

Д.Ф. ТЕРИН

КОНСТРУКЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ В РОССИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о происхождении политического доверия в современном российском обществе. Данные всероссийского исследования «Современное состояние и перспективы развития гражданской культуры в российском обществе», проводившегося в 2015 году, в рамках вторичного анализа были использованы для изучения взаимосвязи между показателями уровня политического доверия, доверия окружающим, эффективности и справедливости политических институтов. Результаты проведенного регрессионного анализа подтверждают роль эффективности и справедливости политических институтов как важных слагаемых политического доверия. Межличностное доверие (или доверие окружающим) также является фактором, влияющим на политическое доверие в России. Однако этот фактор менее существенен, чем факторы, которые непосредственно воздействуют на функционирование институтов. Среди факторов, влияющих на политическое доверие в России, наиболее важными являются эффективность политических институтов, личное взаимодействие с политическими институтами и восприятие справедливости общества. Политическое доверие расширенно воспроизводится политическими институтами, когда они являются эффективными, а политическая система справедлива, то есть, по мнению людей, способствует общему благу. Политическая система российского общества в целом довольно далека от такого идеала, институты характеризуются низким уровнем доверия. Институт Президента России выделяется среди других политических институтов заметно более высоким доверием, однако результаты исследования не позволяют сделать вывод о том, что этот высокий уровень доверия является следствием особой символической роли института. Доверие институту Президента

Терин Дмитрий Феликсович — научный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.
Телефон: +7 (499) 125-00-60. **Электронная почта:** terin@isras.ru

России производится, в целом, тем же механизмом, что и другие виды политического доверия: оно в большей мере является результатом оценки его деятельности людьми.

Ключевые слова: политическое доверие; межличностное доверие; политические институты; справедливость; эффективность институтов.

Для цитирования: Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 2. С. 90–109. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5846

Политические институты и проблема доверия

Основной вопрос дискуссии о феномене доверия — является ли доверие людям и доверие абстрактным конструктам, таким как роли, институты и институциональный порядок в целом, одним и тем же по своим основам. В литературе обычно рассматривается проблема происхождения доверия институтам (чаще всего политическим) и его взаимосвязи с межличностным доверием.

Все подходы к исследованию этой проблемы можно свести к трем. Первый говорит о единстве происхождения доверия и всех его видов. Понимаемая либо как психологическая, либо как задаваемая культурой предрасположенность к доверию рассматривается в качестве фундаментальной личностной характеристики, которая формируется с раннего возраста в процессе социализации. Так, например, Э. Усланер полагает, что обобщенное межличностное доверие или доверие незнакомым людям (которое он именуется моралистическим) основывается не на прошлом опыте взаимодействия, не на институциональном принуждении, а на позитивном взгляде на природу человека [19]. Роль культуры в этом случае чаще понимается в узком смысле — как в большей или меньшей степени распространенная в конкретном обществе «культура доверия» — ценность, санкционирующая доверительное поведение, в частности межличностную кооперацию. Последняя является основой для всех других видов доверия. В чем-то похожим образом вопрос о соотношении различных видов доверия решает, например, П. Штомпка. Многочисленные виды доверия, направленные на разные объекты (другие индивиды, социальные позиции, роли, институты и абстрактные системы) функционируют на основе одной и той же логики: за всеми видами доверия стоит первичная форма, а именно — доверие к людям, их действиям и результатам этих действий [6, с. 123].

Второй подход говорит об автономном происхождении институционального доверия. Он развивается, в частности, в различных версиях теории социального капитала, который определяется Р. Патнемом как «особенности социальной жизни — сети, нормы

и доверие, — которые позволяют участникам более эффективно действовать сообща для достижения общих целей» [14, р. 664]. Автор вводит термины «горизонтальное» и «вертикальное» доверие. Последнее является основным в обществах с преимущественно иерархическими социальными связями. Доверие политическим институтам также относится к этому типу, поскольку они представляют собой иерархически организованные структуры (системы социальных ролей). «Горизонтальное» доверие — это межличностное доверие, оказываемое людям за пределами первичных групп, то есть доверие между равными субъектами. Р. Инглхарт и К. Вельцель, развивая обозначенный подход, обосновывают следующее положение: доверие институтам и межличностное доверие не только имеют разные объекты и связаны с разными факторами, но и противоположны по направленности действия. В то время как «горизонтальное» доверие бывает между равноправными индивидами, имеет значение для самоорганизации, развития демократической культуры, «вертикальное», включая доверие политическим институтам, лишь укрепляет иерархические связи [3, с. 376]. Эти два вида доверия, таким образом, относительно независимы друг от друга.

Следует заметить, что в последнее время во многих развитых демократиях наблюдается тенденция постепенного снижения уровня доверия политическим институтам. Этот факт, если он учитывается исследователями, обычно сопровождается некоторой объяснительной риторикой, поскольку с точки зрения институционального подхода выглядит как непредвиденное ухудшение качества институтов и демократии в образцовых в отношении того и другого странах.

В политической науке природа доверия политическим институтам чаще всего объясняется его внутренним происхождением. Так, В. Мишлер и Р. Роуз формулируют макроинституциональный подход к проблеме: институциональное доверие рационально обосновано; оно самым тесным образом связано с оценкой гражданами работы институтов. Институты, работающие хорошо, производят доверие; плохо работающие институты производят скептицизм и недоверие [11, р. 31]. Эмпирическое исследование Мишлера и Роуза, на материале которого тестировались различные объяснительные модели, проводилось в странах «демократического транзита», то есть в тех обществах, где «культура доверия» не имеет широкого распространения. Согласно их выводу, на институциональное доверие в этих странах существенным образом воздействуют политические и экономические факторы и в то же время почти не влияет межличностное доверие или особенности социализации индивидов. Эффективность работы институтов в значительной степени опосредуется индивидуальными оценками, ценностями и приоритетами, связанными с жизненным опытом, который человек получает вне политической сферы.

Точка зрения, согласно которой автономность доверия институтам зависит от психологических свойств индивидов, лежащих в основе межличностного доверия, принимается многими исследователями [7; 14]. К. Ньютон полагает, что доказательства взаимосвязи социального и политического доверия почти отсутствуют. Причина этого заключается в том, что, будучи направленными на разные объекты, эти два вида доверия определяются различными факторами. На социальное доверие влияют «социальные» переменные, то есть доминанты, определяющие социальный статус, включая класс и уровень образования, а также членство в общественных организациях. Тогда как на политическое доверие воздействуют прежде всего политические интересы, партийная идентификация и отношение к политическим СМИ [12].

Согласно третьему подходу, признается взаимосвязь двух упомянутых видов доверия, но их направленность оценивается как противоположная (не по координате «вертикальное — горизонтальное», как в вышеизложенной модели, а по источникам происхождения). Первичным признается доверие, производимое институтами, причем работа институтов (и прежде всего — политических) производит также и доверие людям. Идея, что правительство обеспечивает доверие людей к незнакомцам, сама по себе не нова и восходит по крайней мере к Гоббсу. По этой логике, человек, уверенный в том, что государство применит санкции в отношении любого лица, нарушающего формальные правила, с большей вероятностью будет оказывать доверие незнакомым лицам. Качество государственных институтов в этом случае оказывается важнейшим фактором доверия, и в том числе межличностного, поскольку уменьшает неопределенность в человеческих взаимодействиях [15].

Как полагают К. Ньютон и С. Змерли, в современных обществах с плотными сетями социальных связей и добровольными ассоциациями, где политические институты (суды, полиция, социальные службы) работают так, что принуждают или поощряют индивидов к надежному, ответственному, вызывающему доверие поведению, уровень всех видов доверия будет высоким, что в свою очередь оказывает обратное воздействие на политические институты [13]. Б. Ротстейн и Э. Усланер обосновывают подобную связь долговременной целенаправленной работой институтов социального государства, направленной на уменьшение различных видов неравенства. Результативная борьба с неравенством ведет к росту уровня политического (институционального) и социального (обобщенного межличностного) доверия [17]. Такую картину исследователи обнаруживают в «обществах высокого доверия» с давно применяющимися универсалистскими социальными программами; к таким обществам относятся, например, современные сканди-

навские общества [18]. В данном случае можно говорить о «культуре доверия», целенаправленно «взрачиваемой» путем утверждения определенных практик в рамках институтов.

При обращении к теме работы институтов закономерен вопрос о критериях их эффективности. В самом общем плане социальные институты могут рассматриваться как системы формальных правил или системы ролей. Институт работает эффективно в том случае, если, по мнению участников или наблюдателей, он функционален: «исполнители» справляются со своими ролями, они оправдывают возлагаемые на них людьми ожидания. В англоязычной литературе по институциональному доверию для выражения эффективности работы института используется термин *performance*, который обозначает видимый, наблюдаемый эффект деятельности. Видимый эффект соответствия (или несоответствия) ожиданиям, по нашему мнению, наиболее важен в контексте доверия политическим институтам. Безусловно, «эффективность» может быть измерена каким-либо иным, не связанным с оценкой людьми, способом. Мы в данной статье исходим из оценки эффективности как обобщенного, опосредованного позитивного мнения, знания людей о работе институтов.

Исследователи отмечают несколько качеств, которыми должны обладать институты, чтобы вызывать доверие: справедливость, эффективность, компетентность, универсальность, разделение полномочий [15, р. 236–237]. Компетентность трактуется как способность института выполнять те функции, за которые он отвечает в политической системе, благодаря тому, что должностные лица обладают соответствующими компетенциями. Под справедливостью понимается прежде всего беспристрастность в принятии решений, равноудаленность от тех или иных групповых интересов, независимость от внешних влияний.

Упомянутые составляющие имеют неодинаковую значимость и в разной степени изучены. Если компетентность как часть хорошей работы с трудом отделима от деятельности структуры в целом и редко оказывается самостоятельным предметом рассмотрения, то справедливость, или беспристрастность (*fairness*) — предмет повышенного внимания, поскольку оценивается главным образом в контексте проблемы коррупции. Коррупция, ее «разлагающая роль» обычно называются основной причиной недоверия людей к институтам. Критерии здесь достаточно очевидны: принимаемые решения или результаты их действий не обеспечивают равенства в смысле одинаковых для всех граждан «правил игры». В масштабе кросс-культурных, межстрановых сравнений зависимость уровня доверия политическим институтам от степени распространения коррупции в стране считается установленной [9].

Слагаемые политического доверия в России

Все, что сказано выше о работе институтов социального государства по производству институционального и межличностного доверия, касается главным образом обществ высокого доверия, то есть Западной Европы. Российское общество обычно относят к обществам низкого доверия [4; 5]. Исследования, проводившиеся в стране, как правило, фиксируют относительно низкий уровень доверия «большинству людей», то есть доверия «чужим», в сочетании с достаточно высоким уровнем доверия «своим» (последнее операционализируется при помощи вопросов о доверии членам семьи, соседям, коллегам) [9]. Недавние исследования институционального и политического доверия в России обнаруживают относительно высокий уровень доверия институтам исполнительной власти и низкий — представительным институтам, судебной системе и политическим партиям. Уровни доверия большинству политических институтов, согласно исследованиям, проведенным осенью 2014 года, демонстрируют отрицательную динамику [2, с. 170]. Отмечается характерное для российского общества сочетание высокого декларативного доверия к символическим институтам — главе государства, церкви и армии — с широко распространенным недоверием остальным институтам [1].

Действуют ли в обществах высокого и низкого доверия одни и те же закономерности? По нашему мнению, политическое доверие (либо недоверие) производится преимущественно работой институтов (соответственно, эффективных и справедливых, либо неэффективных и несправедливых), психологические характеристики людей играют в этом меньшую роль.

Особое значение в институциональной сфере имеют политические институты, которым приписывается *символическое* значение. Рассмотрим этот вопрос на материалах эмпирического исследования. Статья базируется на вторичном анализе данных всероссийского исследования «Современное состояние и перспективы развития гражданской культуры в российском обществе», проводившемся в 2015 году (основные сведения об исследовании приведены в Приложении). Для анализа были отобраны показатели, характеризующие доверие политическим институтам, а также ряд других результатов, имеющих отношение к теме.

В таблице 1 приведены средние значения (баллы) ответа на вопрос: «С Вашей точки зрения, в какой степени заслуживают доверия следующие организации или лица?» (оценивались восемь политических институтов, представляющих российскую политическую систему).

Уровни доверия к различным институтам варьируют незначительно, при том что очевидной доминантой является доверие президенту Российской Федерации. Расстояние, отделяющее главу государства от следующего за ним по уровню доверия института

губернатора, больше, чем расстояние между вторым и последним институтами (политические партии). Самый низкий показатель демонстрируют политические партии, и этот результат не расходится с интуитивными ожиданиями: за четверть века существования в России номинальной многопартийности политические партии в стране так и не стали в представлениях граждан значимым элементом политической организации общества. Анализ показывает, что, несмотря на значительные различия в уровне, доверие всем восьми институтам существенно коррелирует друг с другом (альфа Кронбаха = 0,884), и это позволяет агрегировать эти показатели в интегральный показатель политического доверия.

Таблица 1

Уровень доверия политическим институтам, баллы*

Политический институт	Балл	N	Политический институт	Балл	N
президент РФ	4,16	2934	глава муниципального округа, района	3,06	2730
губернатор	3,33	2719	суд	3,05	2757
Государственная дума	3,16	2825	местное законодательное собрание	3,01	2641
полиция	3,10	2878	политические партии	2,65	2628

*Примечание: Значения шкалы: «1 — совсем не заслуживает доверия», «5 — в полной мере заслуживает доверия». N — число наблюдений.

Для проверки гипотезы о переменных, влияющих на ситуацию, использовалась регрессия методом наименьших квадратов. Зависимая переменная регрессионной модели, интегральный показатель политического доверия, в нашем анализе представляет собой среднюю из ответов респондентов об их доверии восьми упомянутым политическим институтам. Эти институты представляют разные ветви власти и разные ее уровни, и доверие к ним достаточно полно характеризует отношение к политической системе в целом. Исходя из изложенных выше теоретических соображений в число предикторов были включены следующие показатели: доверие окружающим, справедливость общества, эффективность политических институтов, взаимодействие с политическими институтами.

Доверие окружающим. Уровень межличностного доверия измерялся на основе ответов респондентов на вопрос о доверии «окружающим людям» (см. Приложение). В данном исследовании не задавался стандартный вопрос о доверии «большинству людей», измеряющий уровень обобщенного (или социального) доверия, поэтому данный показатель отсутствует и в нашем анализе. Значительная часть вы-

водов о межличностном доверии и его связи с институциональным, содержащихся в многочисленных исследованиях доверия в России и в мире, касается прежде всего обобщенного межличностного доверия, доверия «большинству», или «чужим». С нашей точки зрения, доверие «окружающим людям» нельзя противопоставлять доверию «большинству» в качестве частного случая, поскольку вопрос о доверии «окружающим» — не только о личных связях человека и его доверии тем, кого он считает «своими». Очевидно, что индивид не может четко структурировать ареалы своего жизненного мира (окружения). Мы можем предполагать, что доверие окружающим, как оно измерено в данном исследовании, представляет собой вид межличностного доверия, близкий доверию «большинству людей», и его влияние на политическое доверие нельзя исключить.

Справедливость общества. Хотя оценки справедливости российского общества в целом и политической системы или слагающих ее институтов не равнозначны, в их основе могут лежать связанные между собой представления. В исследовании респондентам предлагалось оценить справедливость российского общества, ответив на вопрос по пятибалльной порядковой шкале (см. Приложение).

Эффективность политических институтов. В исследовании респондентам также предлагалось ответить на вопрос (по пятибалльной шкале), интересам какой доли населения, по их мнению, отвечают решения того или иного органа власти или другого политического института, что в данном случае обозначается нами как эффективность институтов. Переменная, включенная в модель, представляет собой среднюю из ответов респондентов на вопрос: «Чьим интересам отвечают в большинстве случаев решения, принимаемые следующими органами власти?» по каждому из политических институтов, относительно которых задавался вопрос о доверии, за исключением полиции.

Взаимодействие с политическими институтами. Блок вопросов о взаимодействии с политическими институтами представлял собой три пары вопросов о государственном учреждении, полиции и депутатах Государственной думы; для оценки доступности этих институтов респонденту предлагалось вообразить ситуацию взаимодействия с представителем властной структуры и охарактеризовать вероятное отношение в этой ситуации к нему самому и его потребности. Вопросы о цели обращения респондента в государственное учреждение, полицию и депутатскую приемную маркировались с помощью четырехбалльной порядковой шкалы; переменная «взаимодействие с политическими институтами» представляет собой среднюю значений упомянутых переменных.

Помимо этих показателей, в регрессионную модель были включены переменные, характеризующие социально-демографический

статус респондентов: пол, возраст, образование, место проживания, собственный доход (включая все источники). Образование и место проживания представлены бинарными переменными. Результаты построения регрессионной модели приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Детерминанты интегрального политического доверия:
результаты регрессионного анализа**

Переменные- предикторы	Нестандартизованные коэффициенты		Стандарти- зованные коэффициенты	t	Значимость
	B	Стандартная ошибка	Бета		
Константа	0,641	0,113		5,690	0,000
Пол (1 — мужской, 0 — женский)	0,010	0,035	0,007	0,282	0,778
Возраст	-0,00001811	0,001	0,000	-0,016	0,987
Образование (1 — высшее, 0 — другой уровень образования)	-0,040	0,039	-0,024	-1,027	0,305
Собственный доход респондента	-0,004	0,001	-0,069	-2,841	0,005
Место жительства (1 — город свыше 1 млн жителей, 0 — другое место жительства)	0,033	0,041	0,018	0,808	0,419
Доверие окружающим	0,113	0,021	0,118	5,297	0,000
Справедливость российского общества	0,181	0,021	0,202	8,469	0,000
Эффективность политических институтов	0,354	0,021	0,389	16,779	0,000
Взаимодействие с политическими институтами	0,235	0,023	0,250	10,414	0,000
Стандарти- зованный R ²			0,411		
N			1224		

Величина стандартизованного R² показывает, что регрессионная модель объясняет примерно 41% дисперсии зависимой переменной — интегрального показателя политического доверия — что можно считать достаточно высокой величиной. Шкалы вошедших в модель переменных имеют разную размерность, поэтому для того,

чтобы оценить относительную величину влияния переменных-предикторов, следует обратиться к стандартизованным коэффициентам, представленным в таблице 2. Они демонстрируют, что предиктором с самым значительным весом, сильнее других влияющим на политическое доверие, является интегрированный показатель эффективности политических институтов. Заметно уступают ему по силе две других статистически значимых переменных — оценка предполагаемого взаимодействия с политическими институтами и оценка справедливости российского общества. Доверие окружающим также входит в число переменных, оказывающих влияние на политическое доверие, но это влияние выражено гораздо слабее. Наименьшее влияние оказывает показатель собственного дохода респондента (значим на уровне $p < 0,01$). Отрицательный регрессионный коэффициент для показателя дохода означает отрицательный характер влияния этой переменной: увеличение дохода понижает уровень доверия политическим институтам. Этот результат не расходится с данными других исследований, которые отмечают: в то время как в западноевропейских странах обнаруживается положительная связь уровня личного дохода с институциональным доверием, в странах Центральной и Восточной Европы иногда фиксируется противоположная зависимость [10]. В этом отношении политическое доверие в России ставит ее в один ряд с центральными и восточноевропейскими странами.

Ни один из демографических показателей, включенных в модель, не является значимым и не приближается близко к порогу значимости; таким образом, можно утверждать, что эти характеристики не связаны с политическим доверием.

Эффективность политических институтов, как она здесь обозначена, — это мнение респондентов о том, интересам какой части населения страны служат институты, поэтому отмечаемое сильное влияние этой переменной на политическое доверие отражает связь доверия с представлением о политической системе как служащей в идеале всему обществу. Система российских политических институтов в целом плохо отвечает подобным ожиданиям.

Предиктор, обозначенный как «взаимодействие с политическими институтами», также связан с работой институтов, но отражает главным образом опыт непосредственного контакта индивида с полицейскими чинами, сотрудниками в приемной депутата и служащими государственных учреждений. Помимо личного опыта контакта с политическими институтами в предложенных ситуациях, данный фактор может также вбирать в себя различные иные виды и формы политического опыта респондента — как непосредственного, так и опосредованного, в том числе знание на основе информации, полученной из СМИ и других источников. Чем больше получаемая информация убеждает человека в том, что к его обращению в государ-

ственную институцию отнесутся внимательно, то есть что институт будет «играть» по общепринятым правилам, тем выше его доверие политическим институтам.

Еще одной переменной, статистически значимо влияющей на политическое доверие, является представление о справедливости российского общества. Выше уже говорилось: справедливость институтов расценивается как одна из их ключевых характеристик, связанных с институциональным доверием. В данных, послуживших основой для нашего анализа, использован вопрос, в котором респондентам предлагалось по пятибалльной шкале оценить справедливость российского общества в целом, а не его политической системы или отдельных институтов («С Вашей точки зрения, насколько справедливо современное российское общество?»). Определенное представление о том, с чем связывают свое понимание справедливости респонденты, дает распределение ответов на вопрос, что мешает российскому обществу стать справедливым (табл. 3).

Таблица 3

Мнение респондентов о причинах, мешающих российскому обществу стать справедливым

Оцениваемые переменные	Ответы	
	N	% от ответивших
коррупция, присвоение бюджетных средств	1374	58,6
разрыв между богатыми и бедными	652	27,8
плохая работа чиновников	504	21,5
неравные права бедных и богатых	397	16,9
разрыв в уровне жизни между регионами	209	8,9
плохо работают суды	189	8,1
полиция плохо делает свою работу	163	7,0
выборы проводятся с нарушениями	160	6,8
несправедливость распределения доходов на предприятиях	147	6,3
несправедливые налоги	138	5,9
частная собственность, то, что фабрики, предприятия в руках немногих	122	5,2
конфликт между разными национальностями	111	4,7
Всего ответивших:	2343	

Самый распространенный вариант ответа — «коррупция, присвоение бюджетных средств», его выбрали более половины респондентов. Показательно, что коррупция называлась респондентами почти вдвое чаще, чем следующая за ней причина — разрыв между богатыми

и бедными. Примерно пятая часть ответивших в качестве причины несправедливости общества указали на плохую работу чиновников. Такое соотношение ответов говорит о том, что справедливость или несправедливость общества связывается людьми в России с качеством институтов даже в большей степени, чем с богатством и бедностью, имущественным неравенством. Справедливость российского общества — это в значительной степени институциональная справедливость, то есть беспристрастность работы политических институтов, их неподверженность коррупции.

Уже отмечалось, что особым доверием пользуется институт президента. В литературе можно найти попытки теоретического обоснования подобной конфигурации. П. Штомпка в своей работе, посвященной различным видам доверия, специально останавливается на взаимосвязи двух видов доверия, которые он именуется «персональным» и «позиционным». Позиционное доверие — это доверие общественной роли «как способу действия, типичному и востребованному для данной общественной позиции»; доверие, обращенное к конкретной общественной позиции, переносится на каждого, кто ее занимает [6, с. 117–118]. В то же время персональное доверие к конкретным исполнителям роли на той или иной позиции усиливает доверие этой роли или всему институту в целом [6, с. 127, 128]. Если следовать данной логике, то доверие институту президента в современных российских условиях, вероятно, следует рассматривать как пример такого доверия, которое переносится с персоны на роль и на институт и становится институциональным доверием.

Б. Ротстейн и Д. Штолле [16, р. 283] усложняют картину институтов, производящих институциональное доверие, проводя различие между двумя их типами: политическими институтами в строгом смысле и институтами, задачей которых является непосредственная реализация политической стратегии, производство и распределение общественных благ. В случае первого типа доверие возникает прежде всего в результате соответствия базовых принципов и ценностей, репрезентируемых институтом, представлениям индивида. Доверие второму типу, то есть структурам, реализующим политические решения и производящим и распределяющим блага, в большей степени зависит от эффективности их работы и того знания, которое люди получают, взаимодействуя с ними. Доверие институтам первого типа (политическим по преимуществу), согласно упомянутой точке зрения, определяется не какими-либо контактами с ними, а сходством ценностных систем. Если отнести подобное рассуждение к российской реальности, то институт президента России можно представить себе, как именно такой политический институт, доверие (либо недоверие) людей к которому возникает из сходства (либо несходства) ценностной системы с собственным мировоззрением.

Исследование, на котором мы базируемся, не содержит данных, на основании которых можно было бы проверить действие описанного механизма персонификации. Для проверки соответствующего предположения нами построены регрессионные модели зависимой переменной, в каждой из которых анализируется вопрос о доверии какому-то институту. В перечне переменных-предикторов в качестве показателя его эффективности был использован вопрос о том, чьим интересам служит данный институт (в списке отсутствует полиция, поскольку данный вопрос в исследовании не задавался). Все остальные переменные в этих регрессионных моделях одинаковы. Результаты приведены в таблице 4.

Таблица 4

**Детерминанты доверия политическим институтам:
результаты регрессионного анализа***

Переменные- предикторы	1	2	3	4	5	6	7
Константа	0,680 (4,350) 0,000	0,461 (3,065) 0,002	0,720 (4,643) 0,000	1,881 (13,377) 0,000	0,492 (3,496) 0,000	0,991 (6,547) 0,000	0,458 (3,226) 0,001
Пол	0,023 (0,451) 0,652	0,005 (0,097) 0,923	-0,024 (-0,468) 0,640	-0,010 (-0,233) 0,816	0,034 (0,755) 0,450	-0,039 (-0,788) 0,431	-0,042 (-0,912) 0,362
Возраст	0,000 (0,093) 0,926	0,00008337 (0,052) 0,958	-0,001 (-0,762) 0,446	0,003 (1,865) 0,062	-0,001 (-0,661) 0,509	-0,004 (-2,444) 0,015	-0,001 (-0,717) 0,474
Образование	0,007 (0,121) 0,904	0,033 (0,609) 0,543	-0,037 (-0,666) 0,506	-0,040 (-0,818) 0,413	0,010 (0,195) 0,846	-0,075 (-1,339) 0,181	-0,052 (-1,002) 0,317
Собственный доход респондента	-0,001 (-0,747) 0,455	-0,004 (-1,931) 0,054	-0,002 (-1,101) 0,271	-0,002 (-1,311) 0,190	-0,003 (-1,850) 0,064	-0,007 (-3,999) 0,000	-0,005 (-2,729) 0,006
Место жительства	0,137 (2,375) 0,018	0,049 (0,849) 0,396	-0,049 (-0,822) 0,411	-0,067 (-1,325) 0,185	0,087 (1,671) 0,095	-0,003 (-0,055) 0,956	-0,062 (-1,162) 0,246
Доверие окружающим	0,084 (2,782) 0,005	0,074 (2,565) 0,010	0,130 (4,340) 0,000	0,143 (5,583) 0,000	0,130 (4,912) 0,000	0,108 (3,645) 0,000	0,095 (3,410) 0,001
Справедливость российского общества	0,156 (5,026) 0,000	0,260 (8,847) 0,000	0,179 (5,847) 0,000	0,062 (2,337) 0,020	0,233 (8,503) 0,000	0,208 (6,947) 0,000	0,228 (8,165) 0,000
Эффективность политического института	0,350 (15,772) 0,000	0,288 (13,131) 0,000	0,337 (15,181) 0,000	0,343 (17,780) 0,000	0,302 (16,273) 0,000	0,305 (14,112) 0,000	0,301 (14,170) 0,000
Взаимодействие с политическими институтами	0,287 (8,925) 0,000	0,270 (8,706) 0,000	0,208 (6,512) 0,000	0,113 (4,100) 0,000	0,227 (7,986) 0,000	0,225 (7,051) 0,000	0,234 (7,936) 0,000
Скорректи- рованный R ²	0,254	0,263	0,236	0,212	0,275	0,247	0,262
N	1602	1476	1603	1731	1654	1570	1533

*Примечание: Нестандартизированные коэффициенты, t-критерий (в скобках) и уровень значимости (выделен жирным шрифтом). Политические институты: 1 — губернатор, 2 — региональное законодательное собрание, 3 — глава округа, района; 4 — президент России, 5 — Государственная дума, 6 — суд, 7 — политические партии.

Сравнение полученных результатов показывает, что в пределах набора показателей, которыми мы располагаем, доверие институту президента и остальным политическим институтам достаточно схоже между собой. Доверие окружающим, оценка справедливости российского общества, мнение о мере эффективности данного института и показатель взаимодействия с институтами являются значимыми для всех институтов, включая институт президента. Ни одна из переменных-предикторов не выделяет именно институт президента из общего ряда. Обращает на себя внимание только несколько меньший уровень значимости оценки справедливости российского общества ($p < 0,05$). В той же мере, в какой это касается других политических институтов, доверие институту президента — это эффект оценки его работы с людьми. Как и в случае большинства остальных политических институтов, на эту оценку напрямую не влияют особенности социализации и внеполитического опыта людей.

Наибольшим своеобразием отличается доверие институту суда, на которое, помимо перечисленных переменных, оказывают влияние (отрицательное по знаку) уровень дохода и возраст: более молодые и менее обеспеченные респонденты склонны в большей степени доверять институту суда. Собственный доход (также с отрицательным знаком) оказывает влияние и на доверие политическим партиям. Выше отмечалось, что уровень дохода статистически значимо влияет на интегральный показатель политического доверия. Из результатов, представленных в таблице 4, видно, что этот эффект ограничен двумя институтами: судом и политическими партиями. Вопрос, почему граждане в несколько большей степени склонны доверять судам и партиям, представляет интерес, однако имеющихся в нашем распоряжении данных недостаточно, чтобы ответить на него однозначно. Для института губернатора, главы региона оказалось значимым место жительства респондента, представляющее собой бинарную переменную, различающую города с населением свыше миллиона жителей и остальные населенные пункты. Это воздействие может свидетельствовать о роли персонификации в том смысле, в котором об этом говорилось выше, поскольку, высказываясь о своем доверии губернатору, респонденты имели в виду разных персон, занимающих этот пост в регионах проведения исследования.

Заключение

Политическое доверие в России имеет сложную структуру. Данные исследования 2015 года позволяют сделать вывод, что по-

казатель доверия окружающим статистически значимо повышает показатели доверия политическим институтам. Вместе с тем оценка людьми работы институтов играет преобладающую роль в формировании феномена доверия. Среди слагаемых политического доверия больший вес имеют: эффективность политических институтов, взаимодействие с институтами, представление о справедливости общества. Политическое доверие производится политическими институтами, если они эффективны, то есть работают в интересах большинства общества, а общественная система справедлива и не подвержена коррупции. Реальное состояние политической системы российского общества в целом довольно далеко отстоит от этого идеала, что и находит отражение в сравнительно низком уровне доверия большинству политических институтов.

Основной содержательный вывод, который может быть сделан на основании проведенного анализа, — это единство политической системы России. Общепризнанной чертой политического доверия в России является тот факт, что институт президента РФ заметно выделяется по уровню доверия среди доминант политической системы. Полученные результаты не позволяют считать этот высокий уровень исключительно следствием особой символической роли института главы государства в картине мира большинства граждан страны. Доверие институту главы государства в целом производится тем же механизмом, что и доверие другим политическим институтам: оно порождается в большей мере оценкой результатов его работы, чем какими-либо не зависящими от этой работы символическими свойствами. Характерно, что исследование, проводившееся в 2015 году, зафиксировало низкий уровень политического доверия, только если сравнивать этот показатель с политическим доверием в европейских странах, характеризующихся высоким доверием населения к национальным управленческим структурам. В то же время зафиксированные исследованием величины высоки для самой России, что может объясняться действовавшим в тот момент «эффектом Крыма». Более поздние исследования фиксируют снижение в 2017 году уровня доверия именно институту президента (а также двум другим символически значимым институтам «державной триады» — армии и церкви) и косвенно подтверждают данный вывод [2, с. 186]. Изменения в уровне доверия этому институту в краткосрочной перспективе связаны не с какими-либо внезапными переменами в структуре политических мировоззрений российского общества, а являются следствием восприятия деятельности данного института, его эффективности (или неэффективности) в том же смысле, в каком это определение применено здесь к другим политическим институтам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гудков Л.* Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. С. 249–280.
2. Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2017. С. 168–187.
3. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с.
4. *Козырева П.М.* Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. — 172 с.
5. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* О границах политического доверия // Власть. № 5. 2014. С. 5–10.
6. *Штомпка П.* Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. — 440 с.
7. *Brehm J., Rahn W.* Individual-level evidence for the causes and consequences of social capital // American Journal of Political Science. 1997. Vol. 41. No. 3. P. 999–1023.
8. *Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R.* Ethnicity and trust: Evidence from Russia // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. No. 4. P. 521–532.
9. *Clausen B., Kraay A., Nyiri Z.* Corruption and confidence in public institutions: Evidence from a Global Survey // Policy Research Working Paper 5157. The World Bank. Development research group Macroeconomic and Growth Team. December 2009. — 42 p.
10. *Medve-Bálint G., Boda Z.* The poorer you are, the more you trust? The effect of inequality and income on institutional trust in East-Central Europe // Sociologicky časopis / Czech Sociological Review. 2014. Vol. 50. No. 3. P. 419–453.
11. *Mishler W., Rose R.* What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies // Comparative political studies. 2001. Vol. 34. No. 1. P. 30–62. DOI: 10.1177/0010414001034001002
12. *Newton K.* Political support: social capital, civil society and political and economic performance // Political Studies. 2006. Vol. 54. No. 4. P. 846–864. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2006.00634.x
13. *Newton K., Zmerli S.* Three forms of trust and their association // European Political Science Review. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 169–200. DOI: 10.1017/S1755773910000330
14. *Putnam R.* Tuning in, tuning out: the strange disappearance of social capital in America // Political Science and Politics. 1995. Vol. 28. No. 4. P. 664–683. DOI: 10.1017/S1049096500058856
15. *Robbins B.* Institutional Quality and Generalized Trust: A Nonrecursive Causal Model // Social Indicators Research. 2012. Vol. 107. No. 2. P. 235–258. DOI: 10.1007/s11205-011-9838-1
16. *Rothstein B., Stolle D.* Political Institutions and Generalized Trust // The Handbook of Social Capital. Edited by Dario Castiglione, Jan W. van Deth, and Guglielmo Wolleb. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 273–302.

17. Rothstein B., Uslaner E. All for all: Equality, corruption, and social trust // *World Politics*. 2005. Vol. 58. No. 1. P. 41–72. DOI: 10.1353/wp.2006.0022
18. Sønderskov K., Dinesen P. Trusting the state, trusting each other? The effect of institutional trust on social trust // *Political Behavior*. 2016. Vol. 38. No. 1. P. 179–202.
19. Uslaner E. Trust as an alternative to risk // *Public Choice*. 2013. Vol. 157. No. 3–4. P. 629–639. DOI: 10.1007/s11127-013-0082-x

ПРИЛОЖЕНИЕ

Для анализа использовались данные исследования, посвященного современному состоянию гражданской культуры в российском обществе, которое было проведено Российским обществом социологов в 2015 году (руководители проекта — В.А. Мансуров, М.Ф. Черныш). Массовый опрос был проведен на базе общероссийской случайной стратифицированной выборки. Полевой этап исследования проходил в марте–апреле 2015 г. Объем выборки составил 3052 респондента в возрасте от 18 лет. Личные формализованные интервью проводились по месту жительства в населенных пунктах разных типов в 47 субъектах Российской Федерации.

Основные переменные, использованные в анализе:

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ. «С Вашей точки зрения, в какой степени заслуживают доверия следующие организации или лица? В полной мере, в основном, в чем-то да, в чем-то нет, в основном не заслуживают, совсем не заслуживают?». Для анализа были отобраны только политические институты.

ДОВЕРИЕ ОКРУЖАЮЩИМ. «Как часто людям, которые Вас окружают, можно доверять?» (1 = никогда нельзя доверять, всегда нужна осторожность; 2 = доверять можно реже, чем не доверять; 3 = доверять можно чаще, чем не доверять; 4 = людям можно доверять всегда).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОБЩЕСТВА. «С Вашей точки зрения, насколько справедливо современное российское общество?». (1 — совсем несправедливое; 2 — в основном несправедливое; 3 — в чем-то справедливое, в чем-то нет; 4 — в основном справедливое; 5 — полностью справедливое). «Что, на Ваш взгляд, мешает ему стать справедливым?». (Два варианта ответа).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ. «На Ваш взгляд, чьим интересам отвечают в большинстве случаев решения, принимаемые следующими органами власти? Интересам всего населения, интересам большинства, интересам половины населения, интересам меньшинства, ничьим интересам не отвечают?».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ. «Представьте себе что Вам нужно решить какой-то важный вопрос в одном из государственных учреждений, например налоговой инспекции. Как Вы полагаете, как Вас там примут? Как

к Вам отнесутся? Уважительно, равнодушно или враждебно?». «А как там отнесутся к Вашему вопросу? Внимательно, скорее внимательно, скорее невнимательно, невнимательно?». «Предположим, что у Вас шумные соседи, мешающие Вам спать по ночам. Вы обращаетесь в полицию с заявлением, содержащим требование прекратить шум. Как Вы думаете, как Вас примут в полиции? Как к Вам отнесутся? Уважительно, равнодушно, враждебно?». «А как Вы полагаете, как в полиции отнесутся к Вашему заявлению? Внимательно, скорее внимательно, скорее невнимательно, невнимательно?». «Представим себе, что Вы хотели бы обсудить какой-либо вопрос с депутатом Государственной думы от Вашего округа, к примеру, вопрос незаконного увольнения работников Вашего предприятия. Вы приходите в его приемную. Как Вы полагаете, как к Вам там отнесутся? Уважительно, равнодушно, враждебно?». «Как Вы считаете, как там отнесутся к Вашему вопросу? Внимательно, скорее внимательно, скорее невнимательно, невнимательно?».

Дата поступления: 20.09.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2018. Vol. 24. No. 2. P. 90–109. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5846

D.F. TERIN

Institute of Sociology of FCTAS RAS; Moscow, Russian Federation.

Dmitriy F. Terin — Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Address: 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (499) 125-00-60. **Email:** terin@isras.ru

THE STRUCTURE OF POLITICAL TRUST IN RUSSIA:

PERFORMANCE AND FAIRNESS OF POLITICAL INSTITUTIONS

Abstract. The article focuses on the issue of the origin of political trust in contemporary Russian society. Data from a survey conducted by the Russian Society of Sociologists in 2015 were used to examine the connection between political trust, interpersonal trust, perception of fairness, and political institutions' performance. The results from OLS regression analysis confirm a performance-based explanation for the origin of political trust. Interpersonal trust (or trust in others) is also a factor of influence when it come to political trust in Russia. However, this type of influence is less significant compared to factors which directly affect the functioning of institutions. Among the factors which affect political trust in Russia, the most important ones are performance of political institutions, personal interaction with political institutions and perception of justice in society. Political trust is extensively reproduced by political institutions, if the institutions are effective, and they are deemed to contribute to a common good with a political system demonstrating fairness. The political system of Russian society as a whole is far from this ideal, the institutions being characterized by a low level of trust. The institution of the President of Russia stands out among other political institutions as noticeably more

trustworthy, but the results of the study do not allow concluding that such a high level of trust is mainly a consequence of the special symbolic role of said institution. Trust in the institution of the President of Russia is generally based on the same mechanism as other types of political trust: it is increasingly the result of the people evaluating its performance.

Keywords: political trust; interpersonal trust; political institutions; fairness; political institutions; performance.

For citation: Terin D.F. The Structure of Political Trust in Russia: Performance and Fairness of Political Institution. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 90–109. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5846

REFERENCES

1. Gudkov L. *Doverie v Rossii: smysl, funkcii, struktura*. [Trust in Russia: meaning, functions, structure.] NLO. 2012. No. 117. P. 249–280. (In Russ.)
2. *Doverie institutam: Osnovnye faktory i social'no-politicheskij kontekst*. [Trust in public institutions: key factors and socio-political context.] Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pjataja. Moscow: Ves' mir publ., 2017. P. 168–187. (In Russ.)
3. Inglehart R., Welzel C. *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. [Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence.] Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2011. 464 p. (In Russ.)
4. Kozyreva P.M. *Doverie i ego resursy v sovremennoj Rossii*. [Trust and its resources in contemporary Russia.] Moscow: Institute of sociology RAS publ., 2011. 172 p. (In Russ.)
5. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. *O granicah politicheskogo doveriya*. [On the limits of political trust.] *Vlast'*. 2014. No. 5. P. 5–10. (In Russ.)
6. Sztompka P. *Doverie — osnova obshhestva*. [Trust: The foundation of society.] Moscow: Logos publ., 2012. 440 p. (In Russ.)
7. Brehm J., Rahn W. Individual-level evidence for the causes and consequences of social capital. *American Journal of Political Science*. 1997. Vol. 41. No. 3. P. 999–1023.
8. Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R. Ethnicity and trust: evidence from Russia. *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. No. 4. P. 521–532.
9. Clausen B., Kraay A., Nyiri Z. Corruption and confidence in public institutions: Evidence from a Global Survey. *Policy Research Working Paper 5157. The World Bank. Development research group Macroeconomic and Growth Team. December 2009*. 42 p.
10. Medve-Bálint G., Boda Z. The poorer you are, the more you trust? The effect of inequality and income on institutional trust in East-Central Europe. *Sociologicky časopis / Czech Socio-logical Review*. 2014. Vol. 50. No. 3. P. 419–453.
11. Mishler W., Rose R. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-communist societies. *Comparative political studies*. 2001. Vol. 34. No. 1. P. 30–62. DOI: 10.1177/0010414001034001002
12. Newton K. Political support: social capital, civil society and political and economic performance. *Political Studies*. 2006. Vol. 54. No. 4. P. 846–864. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2006.00634.x
13. Newton K., Zmerli S. Three forms of trust and their association. *European Political Science Review*. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 169–200. DOI: 10.1017/S1755773910000330
14. Putnam R. Tuning in, tuning out: the strange disappearance of social capital in America. *Political Science and Politics*. 1995. Vol. 28. No. 4. P. 664–683. DOI: 10.1017/S1049096500058856
15. Robbins B. Institutional Quality and Generalized Trust: A Nonrecursive Causal Model. *Social Indicators Research*. 2012. Vol. 107. No. 2. P. 235–258. DOI: 10.1007/s11205-011-9838-1

16. Rothstein B., Stolle D. Political Institutions and Generalized Trust // The Handbook of Social Capital. Edited by Dario Castiglione, Jan W. van Deth, and Guglielmo Wolleb. 2008. Oxford: Oxford University Press. P. 273–302.
17. Rothstein B., Uslaner E. All for all: equality, corruption, and social trust. *World Politics*. 2005. Vol. 58. No. 1. P. 41–72. DOI: 10.1353/wp.2006.0022
18. Sønderskov K., Dinesen P. Trusting the state, trusting each other? The effect of institutional trust on social trust. *Political Behavior*. 2016. Vol. 38. No. 1. P. 179–202.
19. Uslaner E. Trust as an alternative to risk. *Public Choice*. 2013. Vol. 157. No. 3–4. P. 629–639. DOI: 10.1007/s11127-013-0082-x

Received: 20.09.2017.
